

число «три» (заметим, что оно возникает и там, где читателю напомним о триединстве божества) должно, по замыслу автора, не только указать на близость романа фольклорным жанрам, но и на связь этого произведения с христианской литературой. Соединяя фольклорное начало с началом христианским, Достоевский идет, как видим, не путем насильственного сближения различных элементов в пределах одного художественного целого, но отталкивается от уже существующего и как бы законченного факта, ибо христианская литература действительно питалась тем, что было создано народной фантазией. Повторяющееся в романе число «три», благодаря тому значению, которое оно приобретает в данном контексте, вместе с другими фольклорными элементами сообщает всему повествованию высоту и глубину, при серьезности неизбежно идущую от архаичных форм, а христианскому циклу идей этого произведения — авторитетное одобрение народа.

Число «четыре», встречающееся в романе тоже очень часто (обычно «три — четыре», «три или четыре»), по-видимому, тоже имеет особый смысл. Выяснить значение такого повтора, однако, более трудно. Известно, что в православии это число особенно почиталось и стояло в ряду избранных чисел. Такое предпочтение опирается прежде всего на число канонических евангелий, лежащих в основе христианского вероучения. Если это обстоятельство учесть, то, может быть, не покажется странной мысль, что четыре части романа «Братья Карамазовы», возникшие из задуманных трех, не противоречили замыслу автора, с самого начала стремившегося подчеркнуть ближайшую связь этого своего произведения с духом и смыслом четырех евангельских книг, как этот дух и смысл автором понимался.

Роману предпослан эпитафия из Евангелия: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Евангелие от Иоанна, гл. XII, 24). Судьбы главных героев соотнесены с эпитафией настолько, что повествование о них в важнейших своих пунктах становится толкованием лаконичного евангельского текста. Это в первую очередь относится к Ивану и Мите. Об Алеше это тоже можно сказать, но с известными оговорками. Его смятение, вызванное неблагообразием кончины старца, и последовавшее затем возрождение и возвращение на стезю веры являются, по-видимому, лишь предупреждением более серьезных испытаний: ведь путь Алеши в первом из задуманных романов только начат. Но из известного, однако, ясно, что и Алешу не минуло бы значение евангельской притчи, вынесенной в эпитафию.

В романе упоминаются и цитируются в разных ситуациях все четыре Евангелия. Из этих упоминаний и цитат наиболее важны, конечно, те, которые, как в эпитафии, могут служить объяснением судеб героев, или отношений между ними, или некоторых обстоятельств их жизни. Возьмем, например, одну из таких цитат.

Действие в романе начинается в результате распри из-за наследства между Федором Павловичем и Митей. О том, что эта распря и привела героев к «катастрофе», читатель узнает сразу же. Соединение «всех членов... нестройного семейства» в монастыре, в келье старца, с целью разрешения этой распри служит первым событием в ходе действия. Казалось при этом, что для прекращения раздора «сан и лицо старца могли бы иметь нечто внушающее и примирительное» (9, 43). «Кончилось тем, — повествуется далее, — что старец дал согласие, и день был назначен. „Кто меня поставил делить между ними?“ — заявил он только с улыбкой Алеше» (9, 44).